

Валерий Шевелев

Русское адвербиальное слово в прагматическом аспекте

Studia Rossica Posnaniensia 24, 175-180

1993

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РУССКОЕ АДВЕРБИАЛЬНОЕ СЛОВО В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

THE RUSSIAN ADVERBIAL PHRASE IN THE PRAGMATIC ASPECT

ВАЛЕРИЙ ШЕВЕЛЕВ

Австракт. Using chosen examples the author presents Russian adverbs in pragmatic aspect of language and the resulting consequences for teaching and lexicography.

Валерий Шевелев, Харьковский университет, Кафедра русского языка, пл. Независимости 4, Харьков, Украина.

Лексикографы и языковеды, изучающие функционально-семантическую сторону языковых знаков, обращают все более пристальное внимание на адвербиальный класс слов, длительное время считавшийся второстепенным объектом как для лексикографии, так и для науки о языке. Этот интерес в немалой степени связан с осознанием факта повышенной прагматической ориентации класса наречий. Аргументация в пользу этого утверждения применительно к русским адвербиалиям и составляет основное содержание данного сообщения.

Определение лингвистической прагматики, данное в свое время Ч. Моррисом, согласно которому прагматика – это „отношение знаков к тем, кто их интерпретирует”¹, в настоящее время само имеет различные интерпретации и предмет лингвопрагматических изысканий определяется весьма неоднозначно.

Конкретизируя это понятие по отношению к словарному составу языка, Ю. Д. Апресян пишет, что прагматика – это „закрепленное в знаке отношение говорящего 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату, 4) к самому себе (феномен невольного автопортрета)”². В этой же работе перечисляются и свойства лингвистической прагматики, отличающие ее от семантики: прагматика выражается преимущественно периферийными средствами языка; для нее типична расчлененность сразу по нескольким языковым средствам и поэтому она

¹ Ch. W. Morris, *Foundation of Natural Language*, Dordrecht – Boston 1971, с. 6.

² Ю. Д. Апресян, *Прагматика и лексикография: прагматическая информация для толкового словаря*. В сб.: *Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте*, Москва 1987, с. 6.

трудно локализуется; прагматика тесно сплетена с семантикой и во многих случаях лексикографически неотделима от нее.

Необходимую теоретическую базу и примеры лингвопрагматического анализа лексического материала находим также в трудах таких известных советских ученых, как Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, Е. М. Вольф, Е. В. Падучева, В. Н. Телия, Ю. С. Степанов и др.

В качестве основного объекта анализа берется высказывание, а ключевым является понятие прагматического контекста, который квалифицируется как „совокупность когнитивных и социальных факторов, релевантных для использования данного высказывания”³. В прагматическом контексте различаются такие структурные признаки, как „иллокутивная функция, мотив, цель, тактика воздействия на адресата, социальные и личностные характеристики участников общения, эмоциональное состояние участников и перлокутивный эффект коммуникации”⁴.

Для выяснения этих факторов часто бывает необходимо выйти за пределы высказывания – в дискурс, в текст. Но иногда успешность речевого акта, как пишут А. А. Зализняк и Е. В. Падучева⁵, может зависеть от введения в этот контекст одного или двух „самых невинных слов”. В качестве примеров они приводят два сомнительных с точки зрения узуса высказывания:

?Я могу о нем пожалеть.

?Я могу его презирать,

которые становятся вполне естественными при добавлении слов *теперь* и *только*:

Теперь я могу о нем только пожалеть.

Теперь я могу его только презирать.

Характерно, что одно из этих „невинных слов” наречие, другое – частица.

Какие же свойства русских наречий обуславливают повышенную прагматическую ориентацию этого класса слов? Не претендуя на исчерпывающий список, укажем на следующие факты.

Наречие – исключительно гетерогенный класс слов, занимающий к тому же пограничное положение между другими знаменательными частями речи, с одной стороны, и частицами речи, с другой. На семиотическую неоднородность класса наречий неоднократно обращал внимание проф. С. Д. Кацнельсон. Он предлагал различать собственно призначные

³ Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. Сб. обзоров, Москва 1984, с. 8.

⁴ А. В. Деревянко, Побудительные речевые акты в косвенных контекстах. В сб.: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов, Москва 1989, с. 77.

⁵ А. А. Зализняк, Е. В. Падучева, Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте. В сб.: Проблемы, ук. соч., с.93.

наречия; наречия, приближающиеся к существительным и потому имеющие референтную соотнесенность с предметными смыслами (*домой, утром*); и служебные слова, различая среди них видовые (*еще, уже, совсем, вдруг, неожиданно, как раз* и т. п.) и залоговые служебные слова (*нарочно, невольно, сам по себе* и др.)⁶. В современной литературе многие из этих последних лексем (служебных слов) подвергаются детальному анализу в качестве частиц.

Характерным для наречий является их вхождение в функциональные омокомплексы, состоящие из 2-6 членов: *еще* – наречие, частица; *только* – наречие, союз, частица; *возможно* – наречие, предикатив, модальное слово; *просто* – наречие, предикатив, частица; *правда* – существительное, наречие, предикатив, модальное слово, союз.

Таким образом, через класс наречий как бы происходит „перетекание” лексики знаменательных частей речи (прежде всего прилагательных и существительных), выполняющих в основном семантические функции, в разряд служебных, имеющих (по Ю. Д. Апресяну) в качестве основных функции прагматические.

Традиционным объектом лингвистической прагматики являются и так называемые индексальные слова, т. е. лексемы, которые не могут быть истолкованы без их соотнесения с говорящим. В классе адвербиальной лексики это – местоименные наречия, соотносимые с двумя из трех координат локации, составляющих первичный аппарат прагматики: „Я – здесь – сейчас”⁷.

Местоименные наречия в русском языке представляют собой подсистемы, имеющие специфические отличия даже от соответствующих подсистем в близкородственных языках (ср., например, ЛСГ пространственных наречий в русском, болгарском и польском языках).

Как известно, с прагматической точки зрения, наиболее важными являются, такие элементы высказывания и текста, которые способны давать оценку людей по их деятельности. Русская адвербиальная лексика предоставляет широкие возможности в сфере аксиологии. Некоторые из традиционно выделяемых в грамматике разрядов наречий целиком состоят из оценочных слов (см., например, наречия причины: *сгоряча, сглупа, сдуру, спьяну*). Всего же различные исследователи выделяют до 30 функционально-семантических разрядов оценочных наречий.

Будучи классом слов, имеющим в качестве производящей базы слова всех основных знаменательных частей речи, наречие обеспечивает большой выбор лексических средств для выражения как общей, так и частной

⁶ С. Д. Кацнельсон, *О грамматической категории*, „Вестник Ленинградского университета” 1948, № 2, с. 119.

⁷ Ю. С. Степанов. *В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства*, Москва 1985.

оценки. Это проявляется в мощности соответствующих лексико-семантических парадигм. Так, по нашим наблюдениям, синонимический ряд с доминантой-наречием, как правило, оказывается более протяженным, чем соответствующий эквивалент на предшествующих ступенях словообразовательной цепочки. Ср.:

немедленный (прилаг.) – незамедлительный, неотложный, безотлагательный;

немедленно (нареч.) – немедля, незамедлительно, неотложно, сразу, тотчас, сейчас, сию минуту (разг.), сию секунду (разг.), тут же (разг.), разом (прост.)⁸.

К этому следует добавить, что русское наречие легко принимает модификационные суффиксы уменьшительности-усилительности. Присоединяясь к наречиям самых различных семантических групп, эти модификационные средства выражают прежде всего не семантические, а прагматические смыслы. Поэтому пометы „уменьшительное” или „усилительное” далеко не полностью раскрывают специфику функционирования таких модификаций. Введение этих слов в контекст высказывания – это прежде всего средство интимизации интерличностного общения – включение собеседника в свою сферу – и одновременно косвенный показатель других прагматических факторов: возрастной и социальной иерархии, иллокутивной функции высказывания.

Так, вряд ли достаточна для изучающего русский язык иностранца информация о том, что суффикс *-овато*, присоединяясь к наречию, выражает ослабленную степень признака. В реальных высказываниях употребление слов типа *грязновато*, *поздновато*, *рановато* и т.п. связано скорее не с обозначением степени признака, а с выражением упрека, осуждения, недовольства, т.е. с чисто прагматическими смыслами.

Экспрессивно-оценочный потенциал русского адвербиального слова активно эксплуатируется в современной русской поэзии, которая одновременно является своего рода экспериментальной базой адвербиальности. Богатый выбор, который предоставляют автору уже вошедшие в лексико-семантическую систему русского языка парадигмы наречий, позволяет бесконечно варьировать градационные ряды:

На вялых листочках анкет
Писал он разборчиво, крупно,
Решительно, зло, неотступно
Серьезное слово „Поэт”. (Б. Слуцкий)

Это – зал ожидания. Счастья, страдания.
Здесь навалом, насыпом, стояли рядами,
Влево, вправо – немедленно вступишь в рыдание.

⁸ *Словарь синонимов русского языка*, т. I, Москва 1970, с. 642-643.

Почему так устроено? А потому,
 что сызмальства, сыздетства,
 сначала, заранее
 выбирал он не следование, а выборание. (Б. Слуцкий)

Ср. своеобразный языковой эксперимент в стихах того же автора:

Теперь легко молодым –
 пора веселых ребят,
 и то, что нам неподым,
 теперь молодежи впопад. (Б. Слуцкий)

Сфера художественной речи, поэзии отражает, в частности, и процесс активного освоения в современном русском языке наречий, формально мотивированных относительными прилагательными:

Тепло и сосенно. (В. Корнев)
 Дрожат кусты осиново. (Н. Грибачев)
 Только нежность одна лебедино
 По волнам по разлучным плывет. (И. Волобуева)

Несмотря на традиционно сложившееся мнение о высокой степени дистрибутивной свободы адвербиальных слов, их тяготении к детерминантной позиции, существует явная избирательность наречий с точки зрения возможности их реализации в контексте того или иного типа речевого акта. Простой тест – подстановка близких по семантике наречий в директивное высказывание показывает, что не все обстоит просто даже с самыми обычными словами, например, наречиями-итеративами. Ср.:

Заходите чаще (иногда, изредка, ежедневно);
 но: ?временами, ?порой, ?периодически;
 и: *подчас, *зачастую, *нередко и т.п.

Конечно, часть условий, запрещающих введение адвербиального слова в контекст высказывания можно истолковать семантически или с точки зрения лексической сочетаемости. В этой связи уместно вспомнить слова Ю. С. Степанова о том, что прагматика заключается не прямо в отношениях знаков к носителю языка, а в отношениях знаков к носителю языка, как эти отношения предстают через семантику и синтактику⁹.

Дополнительным показателем „прагматичности” того или иного языкового элемента считается и его способность выступать в качестве средства интерпретации иллокутивной функции высказывания. Характерной в этом отношении является позиция драматургической ремарки. См.,

⁹ Ю. С. Степанов, ук. соч., с. 280.

например, неполный список чеховских ремарок из пьесы *Иванов: живо, раздраженно, испуганно, смущенно, сердито стучит пальцем, радостно, ласково, умоляюще, горячо, строго, восторженно, томно, брезгливо, нетерпеливо, сердито, злобно, сквозь слезы, злобно и удивленно, решительно.*

Как видим, в качестве основного средства интерпретации иллокутивной функции и выражения субъективного модуса выступает здесь наречие.

Осознание факта особой прагматической ориентации адвербиальной лексики ставит новые задачи как перед лексикографией, так и перед лингводидактикой. К сожалению, существующие толковые словари русского языка в этой части „обращены назад”, по словам А. Б. Пеньковского¹⁰, не отражают современных норм словоупотребления наречий, имеют весьма несовершенную систему прагматических и стилистических помет. Изучающий же русский язык студент должен знать не только лексическое значение адвербиального слова, его системные парадигматические и синтагматические свойства, но и правила его взаимодействия с прагматическим контекстом.

¹⁰ А. Б. Пеньковский, *Семантика наречия и ее отражение в словаре*. В сб.: *Словарные категории*, Москва 1988, с. 55.